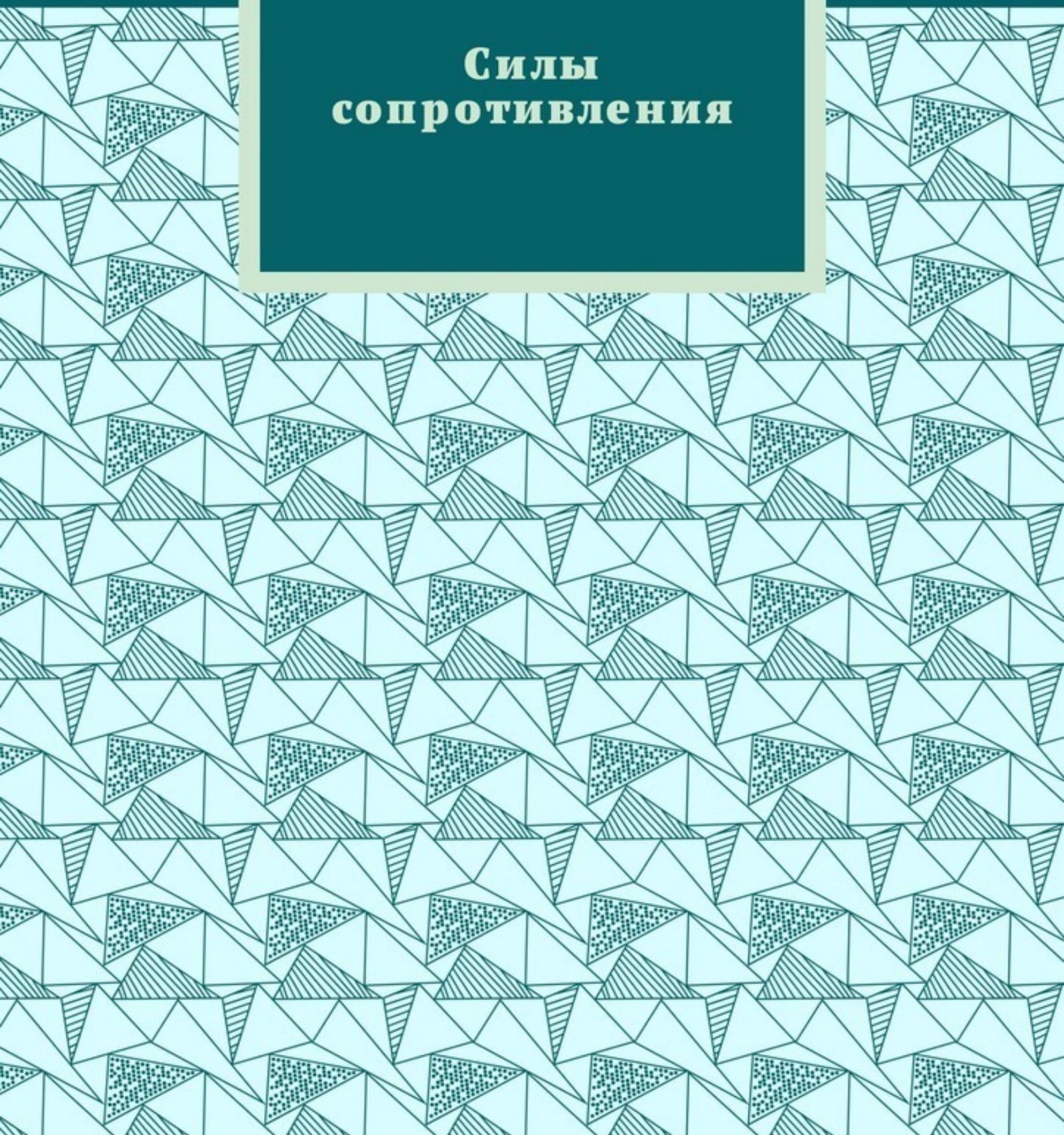

Андрей Кокоулин

**Силы
сопротивления**

Андрей Кокоулин
Силы сопротивления

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Силы сопротивления / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905435-7

Фантастическая повесть. Однажды у Бурдюкова что-то случилось со зрением, и он увидел совсем другую реальность. Странную. Мрачную. Не для всех.

ISBN 978-5-44-905435-7

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Силы сопротивления

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2018

ISBN 978-5-4490-5435-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Силы сопротивления

2-е октября

На стенках ванны стыло серое, ноздреватое мочало пены.

Бурдюков привычно скривился. Ну, конечно. Мыться мы моемся, а вот смывать... Он вздохнул. Смывать некому...

Флакон «Clearico» стоял где обычно, на полке справа, у аптечного шкафчика. Там же, между двумя черепаховыми панцирями ароматического мыла, лежала губка. Розовый крокодильчик с желтым, жестким брюхом.

На всякий случай Бурдюков прикрыл дверь, чтобы, не дай бог, не разбудить Магду, опустился на колени и, закатав рукав пижамной рубашки, принялся за дело.

Вода. Крокодильчик. «Clearico».

Пена сходила тяжело, облезала, размазывалась, слоилась. Приходилось налегать грудью и помогать второй рукой. Вверх-вниз, вправо-влево. Вверх-вниз. За пятнадцать минут, осилив едва ли треть ванны, Бурдюков совершенно выдохся. Его даже замутило.

Сидя на прорезиненном коврикe и задрав голову к выстроившимся на стеклянной вставке шампуням и гелям, он пытался угадать, что же за гадость дает такой эффект. Шумело в ушах. Чуть слышно журчала вода. Медленно оживали онемевшие пальцы. Вряд ли какой-то один шампунь, думал, тяжело дыша, Бурдюков. Мало будет одного. Тут два. Или три. Плюс соль какая-нибудь. Океаническая.

– ...гие граждане! – прорезалось за стеной у соседей радио. – Здравствуйте! Предлагаем вашему вниманию инструментальную композицию «Городские ритмы»...

Энергично забренчала электрогитара.

Очень хорошо, подумал Бурдюков и, мотнув головой, ухватился за бортик. Сердце глухо постукивало сквозь пижаму. Во рту было сухо. Слабость накатывала волнами. Пошедший какими-то бурыми пятнами крокодильчик так и норовил плюхнуться на дно ванны.

Это все буря, сказал себе Бурдюков, упорно сворачивая губкой целый пенный пласт. Это все буря. Как ни крути. А я предрасположен.

Вчера вечером, когда они с Магдой целомудренно обнявшись сидели у телевизора (целомудренно – потому что рядом заинтересованно сопел сосед из квартиры справа), как раз объявили, чтобы остро реагирующие на магнитные возмущения были осторожны.

– Серия мощных вспышек на солнце, – шептал выкрученный на минимум диктор. Лицо у него было дряблое, бледное. Пожалуй, даже изможденное. – Возможны ухудшение самочувствия, кратковременные потери сознания, дурнота...

Бурдюкову показалось, что диктор выглядит так, словно уже испытывает магнитные возмущения на себе.

«Это что же – опять?» – сказала тогда Магда. Наверное, даже всхлипнула. Большой красивый рот ее выгнулся подковкой. И Бурдюков, предупреждая истерику, накрыл его ладонью.

Навалился. Прижался щекой к щеке. Плюнув на круглый соседский глаз, свободной рукой заполз в вырез платья.

«Это же только завтра, – принялся наговаривать он в ухо, в то же время сжимая то одну, то другую Магдину грудь. – Завтра. Да мы ведь и привыкли уже. Что нам буря какая-то? Тьфу!».

Магда вяло, скорее, для вида, сопротивлялась.

Он не особо слушал, что она там мычит сквозь его пальцы. Ему казалось, слова, вырываясь с дыханием, чуть покалывая, всасываются в кожу на его руке. Запомнилось только: «Это же наше, наше солнце!»

А его как заело.

– Завтра, Магдочка, доживем до завтра.

И вот вам – завтра...

Бурдюков отстранился, давая себе секундную передышку. Пены будто и не убавилось. Свернутый пласт, распадаясь на какие-то сизоватые волокна, медленно скользил к сливу. За ним, как за улиткой, тянулся слизистый след.

Ну и ладно. Хоть что-то. Бурдюков сглотнул какую-то неожиданно накопившуюся во рту кислотину. Привстав, выглянул в узкое окно наружу. Было очень рано. Чернело обжатое коммунальными домами небо. Помаргивали редкие звезды. Одинокое облако, напоминающее фасолину, плыло на запад. У луны был флюс на правую сторону.

Бурдюков надул правую щеку, пародируя, затем перехватил крокодилчика поудобнее и сунул мятым хвостом под кран. Струйка ушла в губку будто в песок.

«А теперь – полчаса тишины», – пробормотало радио.

Нет, размышлял Бурдюков, кроме меня чистить некому. Совсем. Магда – существо воздушное. Удивительное существо. Сама любовь. Что я могу себе позволить? Только намекнуть. Но ведь обидится... обидится...

Ладонь вдруг обожгло. Ледяная, колкая вода клюнула, потекла к локтю.

Короткий озноб заставил Бурдюкова отдернуть руку и пошевелить плечами. Надо же... Одна холодная. А горячей, получается, нет, отключили. Отключили? Пять лет не отключали. Или три. А теперь вот... С бурями, что ли, как-то связано?

На всякий случай Бурдюков покрутил вентили. В одну сторону. В другую. Включил и выключил душ. Вода то текла, то прекращалась, то капала еле-еле. Но была холодная. Никакой ошибки. Холодная.

Как такой мыться?

Бурдюков моргнул, и то ли соринка попала ему в глаз, то ли ресницы сцепились, то ли все-таки жажнула по нему магнитная буря, но на несколько долгих секунд его великолепная ванна, полная плавных обводов и форсунок, с изгибом под тело, превратилась в ржавое жестяное корыто, стоящее на грязном бетонном полу и уложенных в ряд кирпичках. Вместо шелковой занавески в летящих по ветру розовых лепестках сакуры, которую Бурдюков самолично купил год назад на распродаже, появился кусок целлофана, мутный, драный и ничего толком не скрывающий. А какое-то жуткое сооружение из перемотанных изолирующей лентой шлангов и насадки с дырками, пробитыми чуть ли не гвоздем, сменило многофункциональную душевую головку.

Зрелище было настолько дикое и отталкивающее, настолько не укладывалось в голове, что Бурдюков шлепнулся на пятую точку и выронил крокодилчика, который заодно с прочими предметами претерпел трансформацию и преобразился в бурую, в пятнах тряпку.

В мыслях Бурдюкова взвихрился хаос, и он пополз, приставывая, от ванны прочь, пока не обнаружил, что елозит по полу на месте, едва ли в метре от страшного сооружения.

Повернув голову, Бурдюков обнаружил, что на самом деле упирается в колени грязного, замызганного старика с седым пухом на голове. Старик был в одних трусах, полосатых и дурно пахнущих. Остекленелыми глазами он смотрел куда-то сквозь стену ванной.

– Вы кто? – спросил его оторопевший Бурдюков.

– Живу я здесь, – произнес старик.

– Что?

– В одной комнате спим.

Старик отвел рукой голову Бурдюкова и шагнул к ванне. Через плечо у него была перекинута тряпочка, видимо, обозначающая полотенце.

Ни слова не говоря, старик стянул трусы и голышом перебрался в жестяное корыто. Он был тощ, под кожей проступали ребра.

– Чего смотришь? – спросил он Бурдюкова и задернул целлофан.

В кране залокотала вода. Наклонившись, старик переключил ее на душ. Тонкая ржавая струйка потекла на него сверху.

– Хорошо! – сказал старик и принялся водить ладонями по груди.

– Х-холодная же, – пробормотал Бурдюков.

– Не мели чушь! – сварливо сказал старик. – Горячая! Чего б я под холодную полез?

– Но как же...

– Изыди!

Бурдюков зажмурился.

Не может быть, пронеслось у него в голове. Это как же? Мы же с Магдой. Еще сосед, да, сосед приходил вчера, у него нет телевизора, он на вечерние новости стучится к нам постоянно, не может без новостей, не лишать же, не изверги же. Это наша квартира, никаких посторонних жильцов...

Он вздрогнул. А ванна? Это моя ли ванна?

Старик шумно отфыркивался от струйки воды, словно от целого потока. Бурдюков слышал, как он все сильнее хлопает себя по груди и бедрам.

– Ш-шампунь.

– Что? – открыл глаза Бурдюков.

– Шампунь подай, раз сидишь.

Удивительным образом привычная обстановка вернулась на место. Бурдюков заозирался, с умилением и будто по-новому узнавая яркий синий кафель на стенах, змеей изогнувшуюся сушилку, разноцветную плитку на полу, стеклянные полки, коробочки, тюбики, баночки.

Все как раньше.

Шампунь? Бурдюков встал и снял с полки над раковиной зеленый флакон «Summer suite», который как-то преподнес Магде в подарок.

– Вот.

Он протянул руку.

Занавеска с лепестками сакуры отдернулась, и перед Бурдюковым предстал мужчина в теле, розовокожий, молодящийся, с высветленными волосами и темной бородкой. Вода из душевой головки лилась на его объемный живот и разбивалась в брызги.

– Папа?

– А ты кого ожидал здесь увидеть? – хмыкнул мужчина, отбирая у Бурдюкова шампунь.

– Но как ты здесь?

Отец хохотнул.

– У тебя память отбило? Мы с тобой уже вторую неделю живем.

– Ах, да, – вспомнил Бурдюков, – ремонт.

– Именно!

Отец задернул занавеску.

- А вода? – спросил Бурдюков.
- Замечательная! Самое то. Хочешь убедиться?
- Нет-нет, я верю.

Бурдюков подобрал губку-крокодильчика и «Cleariso», сложил их в шкафчик у унитаза и вышел, затворив за собой дверь. Ему нужен был покой, он чувствовал, что жуткая картина, пусть и пропала, но возникла неспроста.

- Это знак, да, знак.
- Милый!

Магда, сбивая с размышлений, бросилась ему на шею. Она была радостно-возбужденная, от вчерашних страхов не осталось и следа. На ней было цветастое платье, белые гольфы и красные туфельки.

- Ты здесь!
- Я здесь, – подтвердил Бурдюков, чувствуя, как ее руки сжимают его так, что трудно дышать.

Магда поцеловала его в губы.

- Ты куда уходил?

В светящихся глазах незамутненное ожидание честного ответа.

- Никуда, – прохрипел Бурдюков. – Ванну чистил.
- Я проснулась, а тебя нет.

На круглое лицо Магды набежала тень. Она отступила.

- Ты хотел меня бросить?
- Я ванну чистил, – повторил Бурдюков, потирая сдавленное горло.
- Ты всегда так говоришь!

Магда обиженно отвернулась.

Бурдюков хотел ответить ей, что кто-то не смывает за собой пену, и она сохнет, образует налет, а он имеет обыкновение принимать душ в чистой ванне, но передумал. К чему? Это же Магда, как к ней не относиться. Милая, страстная, воздушная Магда, лучше которой на свете никого нет.

- Но я же здесь, – сказал он, тронув жену за плечо.
- Я знаю!

Магда всхлипнула и повернулась к нему, чтобы спрятать лицо в его груди.

– Глупый, глупый! – Она механически затеребила ворот, рукав Бурдюковской пижамы. – А мне холодно, тебя нет, и мне холодно.

- Мне на работу...

– Конечно! – Магда хлопнула в ладоши и рассмеялась. – Но ты должен позавтракать! Я же приготовила завтрак! Садись!

Она выскользнула к холодильнику.

– Хорошо, – кивнул Бурдюков, удивляясь перепадам женского настроения, запахнул пижаму, включил свет и обнаружил, что за столом в комнате уже сидят семь человек.

Отец, покинувший ванную, оказался восьмым.

Бурдюков озадаченно кашлянул, смутно припоминая, что такое количество незнакомых людей в его квартире не является чем-то исключительным. Он узнал круглоглазого вчерашнего соседа. Остальные явно были ему знакомы, потому что смотрели прямо, без смущения и без опаски.

– Кажется, сын мой в ванной ударился головой, – сказал распаренный, красный отец, усаживаясь за стул и проводя расческой по волосам. – Меня он не узнал, так что и вас, я думаю, тоже.

- Виктор, – тут же вскочил и подал руку молодой человек в мятом костюме. – Брат.
- Чей? – спросил Бурдюков.

– Твой.

– Мой? – Бурдюков механически пожал ладонь. – Не помню.

– Я же говорил! – воскликнул отец.

– Семен, – поднялся второй мужчина, в майке и спортивных штанах. – Родственник.

Дальний. Очень приятно.

– Да?

Бурдюков пожал и эту ладонь.

– Коля. С работы.

Третий человек сам схватил Бурдюкова за руку, затряс в своей. Он был улыбочив, усат и косоглаз.

– Оксана, жена брата, – встала тонкая, не в пример Магде, женщина лет сорока в синезеленом платье, перетянута желтым поясом.

Протянутые пальцы, видимо, следовало поцеловать, но Бурдюков проигнорировал движение.

– Да, здравствуйте, – сказал он.

– А мы тоже твои родственники, – поднялся пожилой мужчина в клетчатых штанах и расстегнутой розовой рубашке, увлекая следом за собой крупную, густо накрашенную с утра даму в халате. – Собственно, если бы не были родственниками, чего бы мы здесь делали?

Он рассмеялся собственной шутке. Его нестройно поддержали.

– А я – Павел, – представился последним сосед.

Бурдюков жестом усадил его на место.

– Тебя помню.

– Ты садись, – сказал Бурдюкову отец.

Бурдюков, качнув головой, сел на красивый стул с высокой спинкой прямо во главе стола.

– Ах, вы мои хорошие! – появилась Магда с подносом и сразу принялась расставлять тарелки. – Любите салаты? У меня замечательный мясной салат.

Сидящие одобритительно загудели.

– Это тебе, это вам, Григорий Федорович, это вам...

Постукивали фарфоровые донца, глядел с тарелок горошек, загибались мясные рожки, заплывал майонезом мелко порезанный картофель.

– Я бы не отказался и от горячего, – сказал отец, потирая ладони. – Но раз горячего нет...

Он наклонился к блюду и втянул носом запах.

– Да, замечательно.

– А это тебе, милый.

Магда поставила перед Бурдюковым его порцию.

– Спасибо.

– Ну, – Магда, тронув Семена и Оксану, встала на другом конце стола и молитвенно сложила ладони, – желаю всем приятного аппетита.

Ее шумно поблагодарили, затем застучали ножами и вилками.

– Ах, еще чай! – вспомнила Магда.

Бурдюков проводил ее исчезновение взглядом, потом уставился в свою тарелку.

– Ешь, ешь, – толкнул его сидящий рядом отец. – Потом до вечера ничего не будет.

– Почему? – спросил Бурдюков.

– Ах, Сережа, сынок, – вздохнул отец, остановив ход ножа, набирающего майонез на вилку, – нас всех ждет работа.

– И тебя?

– Всех.

– Мы тоже идем, – подняли руки Виктор и Коля с работы.

– Понятно.

Бурдюков нацелил вилку, но тут с его зрением опять приключилась непонятная штука, помутнение, потемнение, бог знает что, и вместо своей тарелки он увидел кусок картона, размякший с краю, а вместо салата – серого цвета кашницу с крапинами то ли перца, то ли еще чего. Мух? Червей?

Кашницы было на удивление мало.

Бурдюков с отвращением отдернул вилку. Это салат? Это не салат! Что со мной? – ужаснувшись, подумал он в следующий миг. Стол предстал перед ним поставленным на козлы облезлым листом фанеры, тарелки всех остальных оказались такими же кусками картона с пятнами кашницы, похожей на собачьи экскременты. Комната превратилась в мрачное помещение с голыми бетонными стенами, обои – в следы протечек, уютная, подобранная Магдой мебель – в нагромождения картонных коробок, а стулья – в ящики или просто сложенные друг на друга кирпичи.

Но больше всего испугали Бурдюкова люди.

Отец опять стал изношенным, худым стариком в трусах. На груди – грязный развод, на левом запястье – короста. Дрожа от холода, старик с аппетитом кромсал кашницу деревянной палочкой. Брат Виктор лишился волос, ужасся в теле, опал в щеках. Тонкогубый, с кругами под глазами, он сидел не в костюме, а в каком-то беспорядочно намотанном тряпье. Не лучше выглядел и Семен, вместо тряпья запакованный в картон, скрепленный скотчем и нитками. Лицо у Семена было зеленоватое, болезненное, вместо правого глаза из глазницы тарасилась пустота. В заросшем, беззубом мужчине с трудом угадывался улыбчивый Коля. С тряпки, намотанной на его голову на манер чалмы, сочилась слезь.

Худая как щепка Оксана не шевелилась. Возможно, что умерла. Или была без сознания. Губы на белом лице были тонкие, синеватые.

На пожилых родственников сил у Бурдюкова уже не хватило – он зажмурился, едва ухватив взглядом драную кофту и обмотавшую дряблую женскую шею ленту из крашеного полиэтилена.

– Почему ты не ешь? – спросил его отец.

– Я болен, – выдавил Бурдюков.

– Ага-ага, лишь бы на работу не идти, – сказал то ли Семен, то ли Коля.

– Магда! – позвал отец.

Бурдюков вздрогнул.

Магда ведь тоже, с оторопью подумалось ему, она изменилась вместе со всеми, она уже другая, не та, что я знал.

Он стиснул кулаки.

Нужно вернуться обратно, необходимо поправить зрение, это какой-то глупый эффект, может, буря так на него влияет.

– А вот и я! – раздался радостный голос Магды. – Чай! Свежий! С лимоном! Пейте на здоровье!

– А твой муж не ест, – ворчливо сказал отец. – Прикидывается больным. Не знаю, кто его так воспитал.

– У него сегодня тестирование, – ласково сказала Магда. – Волнуется.

Бурдюков уловил ее движение, движение прогорклого воздуха, шлепки ног, потом почувствовал, как его гладят по макушке.

– Мой Се-еренький!

– Не надо, – качнулся Бурдюков, желая вывести голову из-под чужой руки.

– Что, ты меня уже не любишь?

Магда схватила его за волосы. Дернула больно, до искр под веками.

– Ай!

Отец захохотал.

– А теперь салата ему!

Бурдюков успел захлопнуть рот прежде, чем в губы ему грубо, кровя, ткнулась палочка с кашицей.

– Тьфу!

– Ну-ну-ну.

Бурдюков, отбиваясь, замахал руками.

– Ах, мой миленький!

Магда облапила, поцеловала его, зажмуренного, в щеку. Надо посмотреть, подумал Бурдюков с отчаянием, надо посмотреть, какая она. Он открыл глаза.

Сначала он увидел свои ноги и едва не вскрикнул. Ноги были совсем не такими, к каким он привык. Худые, в фиолетовых пятнах синяков, в многочисленных рубцах, они выглядывали из какой-то бумажной насмешки над одеждой. На большом пальце правой ноги не было ногтя. Заросшее мясо красовалось на его месте.

Руки...

Руки тоже подменили. Они вдруг сделались хилыми и белыми, с выступающими синими венами. На левой отсутствовал мизинец. Глубокий порез на ладони то ли он сам, то ли кто-то еще залепил какой-то гадостью. Порез зеленел.

– Тогда я съем твою порцию, – сказала Магда, забирая его кусок картона.

Бурдюков поднял глаза.

– Что? – спросила Магда, глядя, как он на нее смотрит, и заливаясь румянцем. – Все-таки будешь салат?

– Нет, – Бурдюков едва сдержал рвотные позывы. – Ешь сама.

Это не моя жена, забилась под его черепом мысль. Это невозможно. Нет-нет. Я же не слепой. Я не мог...

Он заставил себя смотреть Магде вслед.

Она шла, покачивая мощными бедрами, развернулась, села, улыбнулась ему, взяла кашницу пальцами и запихнула ее в рот.

Плямкнулось на стол отпавшее.

Из одежды на ней имелись только черная юбка с косо надорванным подолом и когда-то белый бюстгальтер, с трудом удерживающий в своих границах гигантскую грудь. Многочисленные жировые складки делали ее тело зыбким, словно бы скомканным. Сейчас Бурдюков ясно видел, что Магда, его милая воздушная Магда, психически не здорова. Это круглое лицо с вытаращенными глазами, этот рот...

Как же так?

– Твой чай!

Старик, назвавшийся его отцом, сунул Бурдюкову мятую пластиковую кружку, полную мутной воды. На поверхности плавали жучки и щепки. Никакого намека, что «чай» подогревали, не было.

Бурдюков побоялся даже пригубить.

– Не хочется, – сказал он. – Мне бы полежать.

– А работать кто будет? – сердито спросил отец.

– Да! – подтвердили остальные. – Так не годится. Все пахнут – и ты паши. Каждому своя смена.

– А моя когда? – проявил непонимание Бурдюков.

– Сейчас!

Отец раздраженно залепил ему по щеке, и окружающий мир внезапно сделался прежним. Бурдюков мигнул. Ни тряпок, ни картона, ни грязи, ни голых стен. На нем – его любимая пижама. Руки как руки. С мизинцем, который послушно гнется. На столе, крепком, накрытом

скатертью, – тарелки с остатками великолепного салата. Люстра. Комод. Телевизор. Серый свет из окна.

Раздобревший отец держал не кружку – высокий стеклянный бокал, где в золотистой чайной толще вихрились чайники.

– Так будешь пить?

Бурдюков взял бокал. Пить, на самом деле, хотелось. Чай пах чаем, сколько к носу не подноси. Ладони было горячо. Откуда ему казалось, что Магда не вскипятила? Бурдюков опасливо вытянул губы трубочкой. Нет, оно, конечно, вроде бы чай, но виделось ведь и другое, жуткое, с жучками...

Вокруг уже собирались, надевали комбинезоны и робы, проверяли карманы. Отец затащил «молнию» под воротом темной куртки и теперь, морщась, наблюдал за сыном.

– Ты идиот что ли?

– Нет.

Бурдюков, пересиливая себя, отхлебнул.

– Ну и? – спросил отец.

Бурдюков проглотил выпитое.

– Чай.

– А ты чего думал, коньяк?

– Нет, просто...

– Пошли уже.

Бурдюков допил.

Магда принесла ему штаны и робу с капюшоном. Бурдюков напялил все это прямо на пижаму, гадая, какую ипостась принимает его одежда там, в искаженной реальности. Не заворачивается ли он сейчас в полиэтиленовый пакет?

Виктор, Семен и сосед Павел топтались в коридоре у двери, чтобы выйти всем вместе.

– Давай, – отец подтолкнул его к дверному проему.

– Постой, – Бурдюков обернулся. – Магда.

– Да, Серенький.

Магда, воздушная Магда, с улыбкой прижалась к нему. Где там психическое нездоровье? Нет его.

– Возвращайся.

– А ужин будет? – спросил Бурдюков.

Магда ущипнула его за шею.

– Увидишь.

Пожилая пара родственников смотрела на них с умилением. Худая жена Виктора убирала со стола.

– Ну, все, – сказал Бурдюков.

Впятером они вывалились на лестничную площадку и гулками пролетами затопали вниз. Пролеты были светлы, холодное утреннее солнце заглядывало в узкие окна. Четыре этажа, сзади и впереди – топот ног и голоса таких же, как и они, торопящихся на смену работяг.

А чем я занимаюсь? – подумал вдруг Бурдюков и не смог вспомнить.

– Какая у нас работа? – спросил он.

Виктор и Семен рассмеялись.

– Нормальная.

Широкая подъездная дверь выпустила Бурдюкова в мир. Он заглядывался, но отец, как маленького, взял его под локоть, и они побрели по широкому проспекту в сторону гигантского здания, украшенного навигационными огнями.

Дома свечками стояли тут и там, семи-, восьми-, девятиэтажные. Желтели электричеством окна. Трепетали растянутые полотнища, правда, прочитать ни один призыв Бурдюков не смог – складки съедали буквы, ухватить смысл не давало торопливое движение.

Из подъездов на проспект выливались все новые ручейки людей, и скоро Бурдюков обнаружил, что идет в тесной толпе. Синие комбинезоны, серые робы. Слава богу, со зрением все было в порядке.

Он задумался о природе жутких утренних галлюцинаций. То, что это были галлюцинации, у Бурдюкова уже не было сомнений. Роба была робой, штаны – штанами. Стоит пропустить между пальцев – плотная, брезентовая ткань. Фактура чувствуется. Но как странно! Холодная вода, корыто, Магда, тряпки.

Чай с жучками.

Бурдюкова передернуло. Он вскинул голову. Небо было сизым, высокие облака походили на перламутровую чешую. Буря где-то там, в вышине.

– Дорогие граждане! – грянуло со столба радио. – Поздравляем вас с новым трудовым днем! С каждым днем наши заветные цели становятся все ближе, а наши свершения – все заметнее.

Бурдюков поискал глазами отца, но тот куда-то пропал.

Помигивающее красными огнями здание приближалось. Оно казалось приподнятым над поверхностью. Потом Бурдюков сообразил, что такой эффект дает строение фасада. Многочисленные арки первого этажа как бы отрывали остальное, выпирающее вперед и возносящееся к небу здание от земли.

Кажется, мы все работаем здесь, подумал Бурдюков.

Ни охраны, ни оград он не заметил. Проспект плавно перешел в подъем. Под ногами периодически проскакивали то одна, то две ступени. Сделалось теснее. Скоро у Бурдюкова осталась лишь возможность смотреть в затылок впереди идущему.

Радио разразилось энергичной музыкой. Кто-то расхохотался.

Тень здания наплыла. Высокие косые пилоны мелькнули над головой. Подхваченный человеческим потоком, Бурдюков устремился к одной из арок. Ток теплого воздуха обдул его лоб, виски. Что-то пискнуло при проходе.

Бурдюков сбился с шага, его подтолкнули в спину, он прошел еще метров двадцать по исполинскому холлу, полному квадратных колонн, светящихся указателей наверху и под ногами и остановился на островке у длинного щита с кулерами.

Мимо шли, шаркали по разноцветной плитке люди, целеустремленность на лицах, скупое спокойствие делали их похожими друг на друга, несмотря на разницу в росте и в комплекции. Большая часть сворачивала влево, к широким, крутящимся створкам.

– Чего стоишь? – возник перед Бурдюковым человек в костюме. – Пить хочешь?

Бурдюков мотнул головой.

– Ясно, – сказал человек, приложил к Бурдюкову какую-то коробочку на ручке и кивнул прозвучавшему короткому писку. – Смотри, тебе туда.

Он показал направо. Там, ловя свет плафонов, посверкивало стекло, сквозь него проступала заманчивая синевая стен, мелькали люди в белом.

Бурдюков неожиданно понял, что ему действительно нужно в ту сторону. Словно лампочка под черепом зажглась.

– Конечно, – сказал он.

– Давай, – человек стукнул его по плечу.

Людской поток стал потихоньку редеть. Бурдюков пересек его в компании подсказчика, затем тот пропал, убедившись, что Бурдюков не собирается ни останавливаться, ни сходить с маршрута. Несколько человек шагали впереди и, ныряя за стекло, превращались в размытые фигуры.

– А, ты тоже сюда, – Павел, сосед, нагнал его, и они пошли рядом.

– Тестирование, – сказал Бурдюков.

– Скорее, диагностика.

– Чего?

– Здоровья. Возможностей организма.

– То есть... А если что-то не так?

– В каком смысле?

– Ну, по здоровью.

Павел оскалился.

– Тогда все... – и добавил прежде, чем Бурдюков успел испугаться: – Больничный. Усиленное обследование.

– А-а, ну, тогда ладно.

– Ты как с Луны.

– Я же говорю – нездоровится.

Они прошли в широкие стеклянные двери, сами раскатившиеся перед ними. Волнистая синева стен была будто море.

Снова раздался писк.

Коридор преградили турникеты, и чтобы пройти через них, Бурдюкову пришлось сунуть правую руку в отверстие аппарата, поставленного рядом. Запястье мимолетно обжало, и он вынул кисть уже окольцованную оранжевой лентой. У другого турникета ту же процедуру повторил Павел, правда, у него браслет оказался желтым.

Мимо них в закрытом белом комбинезоне с маской-респиратором на лице прошел человек, нырнул в дверь. Бурдюкову вдруг жутко захотелось узнать, каким бы показала его галлюцинация. Возможно, не в комбинезоне, а в простыне?

Следуя за Павлом, он оказался в овальном, хорошо освещенном зале без окон, где и справа, и слева через равномерные промежутки размещались кабинеты.

– О! – сказал Павел.

Браслет на его запястье замигал, дверь одного из кабинетов также по контуру осветилась желтым.

– Я пошел.

– До встречи, – сказал ему Бурдюков, чувствуя, как крутит в животе.

Не позавтракал. Кашица не понравилась. А было-то – оливье.

Он постоял, дожидаясь вызова, покрутил браслет – не сломался ли? – и медленно побрел в дальний конец зала, где наблюдалось несколько таких же, как он, бедолаг. Дойти до них ему, впрочем, не довелось – одна из дверей вспыхнула оранжевым, ей с задержкой ответил, завибрировал браслет.

Говорить о галлюцинациях, не говорить? Ну, положат в больницу куда-нибудь, подумал Бурдюков. Отдохну. Отдыхать полезно. Он не помнил, чтоб у него был отпуск.

Ручки у двери не было.

Бурдюков нахмурился – может он чего-то не видит? Или надо просто толкнуть? Только не вежливо как-то.

– Проходите.

Дверь отъехала в сторону, едва Бурдюков подступил ближе.

Помещение внутри было разделено на две части. Первая служила приемным кабинетом, здесь стоял металлический стол, к нему примыкали картотечные ящики, вдоль стены располагались тумба на колесиках и стеклянный шкаф.

Вторая часть, более обширная, была до половины задернута синей занавеской. В просвет виднелось ложе белого кресла, подлокотник-желоб, плечо с мониторами на тонких штативах

и полукруг за ним, густо оплетенный толстыми синими и красными проводами. Рядом стоял узкий столик для инструментов, на котором лежал иньектор.

– Здравствуйте.

Доктор в халате, перчатках и марлевой повязке на лице, выходя к Бурдюкову из невидимой ниши, полностью расправил занавеску.

Бурдюков кивнул.

– Здравствуйте.

– Садитесь.

Доктор подставил круглый, вращающийся стул. Бурдюков сел.

– Как себя чувствуете?

– Хорошо.

– Уверены?

Доктор опустил в рабочее кресло и поймал Бурдюкова за запястье, проверяя пульс. Пальцы его даже через перчатки казались холодными.

– В целом, да.

– Тошнота?

Внимательные серые глаза уставились на Бурдюкова.

– Нет.

– Приступы слабости?

– Не помню.

– Хорошо, – доктор легко коснулся пальцами шеи, ладонь его под ухом скользнула к затылку. – Галлюцинации?

Бурдюков напрягся.

– В каком смысле?

– Бывают галлюцинации? Некоторые жалуются. Такое возможно в связи с изменениями магнитосферы.

Бурдюков, подумав, кивнул.

– Сегодня.

– Угу, – доктор отклонился в кресле. – Опишите, пожалуйста.

– Ну... – Бурдюков замялся. – А меня не объявят сумасшедшим?

– Когда вы не сможете различать галлюцинации и действительность, тогда над этим стоило бы подумать, – строго выговорил доктор. – Но так как вы сознаете, что это галлюцинации, то беспокоиться вам не о чем. Смелее, Сергей Григорьевич, смелее.

– Ну, в общем...

Бурдюков, запинаясь, рассказал о том, как ванна перестала быть ванной и оказалась корытом, как уютная квартира превратилась в жуткое, грязное помещение, стол – в кусок фанеры, а люди...

– Что люди? – спросил доктор.

– Изменились, – выдохнул Бурдюков.

– В каком смысле? Перестали быть людьми?

– Нет, перестали быть теми, кого я знаю. Даже я сам... – голос Бурдюкова дрогнул. – Я стал такой... будто вешалка, тощий...

– Изможденный?

– Да!

– А сейчас?

Бурдюков поглядел на свои руки, сжал-разжал крепкие пальцы.

– Нет, сейчас все нормально.

– А не было у вас чувства, что тот вы – настоящий, а галлюцинация, наоборот, все, что виделось до этого?

Бурдюков испуганно мотнул головой.

– Нет!

– Ну, хорошо, – доктор встал, – на всякий случай мы с вами все же пройдем небольшую процедуру.

Он сдвинул занавеску, достал откуда-то снизу тонкий матерчатый чехол и ловко натянул его на кресло.

– Ложитесь, Сергей Григорьевич.

– Обувь снимать? – спросил Бурдюков.

Доктор улыбнулся.

– Не обязательно.

– А одежду?

– Сойдет и так. Ложитесь.

Бурдюков сел на край кресла.

– Это не больно?

– Нисколько.

Доктор заставил Бурдюкова сместиться к спинке. Уютно жужжащий моторчик зафиксировал кресло горизонтально.

– Руки прошу положить в выемки на подлокотниках.

Бурдюков повиновался. Доктор показал ему прозрачную желтую капсулу, которую зарядил в инъектор.

– Это ПОБС.

– Что?

– Программно-ориентированная белковая смесь. Звучит как лопающийся пузырек, не правда ли? ПОБС!

– А что это?

– Ну, это не важно. Вы все равно забудете.

Рука доктора снова нырнула к затылку Бурдюкова, раздался щелчок, и Бурдюков умер. Вернее, на время перестал существовать.

3-е октября

– Серенький!

Спросонья Бурдюков не понял, что это белеет перед ним в темноте.

– Серенький! Ты спишь?

– Что? – Бурдюков приподнялся на локтях.

И едва не упал обратно. Голова была тяжелой, а тело и руки казались ватными. Белое наплыло, присело рядом, со скрипом надавив на пружины кровати.

– Как вчера пришел, так и лег, – что-то шлепнуло Бурдюкова по щеке. – А я? А кто меня любить будет? Сосед?

– Какой сосед?

– Ты невинность не разыгрывай!

Бурдюков выдохнул.

– Магда?

Белое колыхнулось.

– Узнал. Узнал, Серенький.

Могучие руки Магды облапили Бурдюкова, большие губы с чмокающим звуком ткнулись в скулу, в нос. Не сказать, чтоб это было неприятно. Бурдюков полез руками под белое.

– Тише, тише, – навалилась Магда.

– А я работал вчера? – спросил Бурдюков.

– Конечно.

Магда опрокинула его и, обжав коленями, взобралась верхом.

– Я просто...

– Ты должен меня покатать.

Бурдюков напряг живот и ноги.

– Я не могу.

– Почему?

Магда приблизила лицо. В темноте Бурдюков едва различил провал рта.

– Не знаю.

– А я вот сейчас найду корешок твой...

Магда зашарила у Бурдюкова внизу живота и, как он не извивался, сжала найденное.

Бурдюков вскрикнул.

– Сейчас как потяну.

– Магда, – простонал Бурдюков, – ты как с цепи...

– Да, я как с цепи.

– Тише вы! – совсем рядом раздался вдруг сердитый голос. – Поспать не даете!

Магда замерла.

– Кто здесь? – хрипло спросил Бурдюков.

– Люди!

– Что вы здесь делаете?

– Спим!

– Как спите?

– Так, спим.

– Но это наша комната!

– Это общая комната.

– Присоединяюсь, – сказал другой голос. – Все здесь общее. В том числе, комната.

– А другая комната? – спросил Бурдюков.

Магда, неподвижно сидящая на нем, не давала пошевелиться, и он напоминал себе бьющегося о землю выловленного из реки малька. Сколько не пытайся – нет воздуха. Рот открой и вздрагивай.

– В другой комнате тоже спят, – сказали Бурдюкову.

– Вот и вы идите.

– Здесь теплее.

– Магх... Магда.

Бурдюков предпринял попытку высвободить хотя бы одну руку.

– Магда! – он лежа взбрыкнул.

– Серенький, – как-то напевно произнесла Магда.

И вдруг пышным кулем рухнула на свою половину кровати.

– Успокойтесь уже! – раздраженно отозвался на это первый голос. – Что за акробатика?

Ночь все-таки.

Бурдюков с трудом сел, протянул руку к жене.

– Магда, – он коснулся ее спины, – Магда, ты живая?

– Отстань, – сказала Магда.

– Извини.

Жена ответила обидчиво и невнятно, Бурдюков не расслышал.

– Эй! – сказал он, пытаясь разглядеть в темноте комнаты раскладушки или спальные мешки. – Вас сколько тут?

– Серый, хватит уже!

Это голос Бурдюков узнал. Он принадлежал Виктору, брату. Во тьме слева, у стены, вроде бы мотылькнула лохматая голова.

– Я просто думал, что мы одни, – сказал Бурдюков.

Кто-то беззлобно рассмеялся в другом конце комнаты.

– Да спите вы уже! – подал скрипучий голос отец. – Надоело слушать! Одним в интересном месте загорелось, другие и рады наблюдать.

Магда протяжно вздохнула.

– Ладно, сплю, – сказал Бурдюков и лег.

А что если все это галлюцинация? – подумалось ему.

Он зажмурился, вслепую натянув одеяло. Подушка как подушка, матрас как матрас. А его ли это семья – не известно. И Бурдюков ли он на самом деле? Возможно, он какой-нибудь Полуэктов. Или Иванов.

Сон, в который соскользнул Бурдюков, был короток. В нем стены квартиры облетали, отслаивались пластами, как плохая краска, и открывали под собой новые стены, с новым расположением окон и батареей отопления. Потом и эти стены с шорохом сползали вниз, уступая место голому кирпичу, который, в свою очередь, уже спешил, шелушился и сыпался под напором следующей перемены.

Во сне Бурдюков подошел к пляшущему окну, но и там не увидел желаемого постоянства. Менялись, теряли и наращивали этажи дома, гулял по окнам, перемигивался электрический и свечной свет, скакали деревья, изгибалась, раздваивалась улица, затягивалась туманом, а на ней, как сыпь, проступали полосы разметки.

Потом Бурдюков открыл глаза и обнаружил, что сон закончился. Серел потолок, желтели занавески, уткнувшись в плечо, похрапывала Магда. С ночи лицо ее так и хранило обиженное выражение.

Бурдюков привстал. Освободив тело от одеяла, он спустил ноги. Кто-то спал, завернувшись в простыню, на полу прямо у кровати. Дальше, свернувшись калачиком и присвистывая носом, спал кто-то еще. Отца Бурдюков узнал по седому – торчком – венчику волос.

Все родственники, соседи и коллеги с работы.

Бурдюков качнул головой. Как-то это неправильно. Он вообще до вчера был уверен, что живет с Магдой один. Ну, да, Павел еще, Павел появлялся к вечерним новостям. Только уходил ли? Закрывали ли они за ним? Или же он и ночью оставался полноценной единицей их семейной жизни?

Бр-р-р. Бурдюков, переступая, выбрался в гостиную. Здесь тоже лежали. Судя по слепившемуся в единое комку тел, человек семь-восемь. Откуда?

В полутьме Бурдюков не без некоторой дрожи прошлепал в ванную. Заглянул – не корыто, не жесть, благородный акрил. И пены, слава богу...

Боль неожиданно вспыхнула под черепом. Бурдюков согнулся, упираясь ладонью в бортик. Он вспомнил, как доктор вчера (вчера?) ловко под челюстью пропускал пальцы. Что там, интересно, нащупывал?

Затылок был обычный. Бугристый. Ничего примечательного. Дальше – ноги. Здоровые, волосатые. Руки – нормальные. Живот – белый, чистый.

Значит, все хорошо? У него была плановая диагностика, его поправили. Он снова готов к работе. Только какой? Он же где-то работает, он каждым утром идет вместе со всеми одним проспектом...

Сияясь вспомнить, Бурдюков включил воду, подставил пальцы. Тоненькой струйкой побежала горячая.

Мозолей на руках не было. То есть, можно сделать вывод – в его работе не используется физический труд. Или используется, но мало. Ни царапин, ни ушибов.

Я что-то считаю? – предположил Бурдюков. Вожусь с бумажками? Свою цифры? Семью семь минут тринадцать – будет... Если, значит, семью семь...

Боль шарахнула в голове так, что у Бурдюкова потемнело в глазах. Он сполз на колени, едва не оборвав занавеску.

Нет, счет, похоже, ему также чужд, как и физический труд. О числах даже думать больно.

Бурдюков прибавил воды и, сняв трусы, встал под душ. Ладно, о работе можно и за завтраком узнать. Наверное, скажут.

На всякий случай он закрыл глаза. Вслепую нащупал мыло. Если вдруг вокруг опять выпрыгнет всякая чертовщина, пусть она будет сама по себе. Он просто хочет вымыться. Горячей.

Вода струилась, мыло мылилось.

Кто-то, невидимый, вошел в соседний с ванной туалет и, побряхтывая, долго мочился в унитаз. У соседей за стеной запикало радио.

– ...ское время – шесть часов ноль минут.

Человек в туалете прекратил мочиться, стукнул в хлипкую, с готовностью качнувшуюся перегородку кулаком.

– Эй, – спросил он, – кто там в ванной?

– Я, – ответил Бурдюков.

– Кто «я»? – спросил человек, прибавив несколько непечатных слов.

– Бурдюков.

– А-а, – протянул человек, – ты это, не злоупотребляй. Здесь желающих много. А времени мало. Кумекай.

– Это моя квартира! – высунувшись за занавеску и напрягая горло, выкрикнул Бурдюков.

Ответом ему был удаляющийся смех.

С минуту Бурдюков зло и нервно мылил грудь и плечи. Давайте, претендуйте на место в моей ванной, шептал он под нос. Может, еще голой компанией ко мне заберетесь? Что там, очередь уже стоит? С чего вдруг все так полюбили мыться? На работе что ли проверяют? Так я там был, не проверяют.

Он замер.

Это я, значит, не за Магдой пену смывал! – сверкнула в его голове мысль. Это я за кучей народа пену смывал! Оттирал, драил. И хоть бы кто за чистоту почесался! Ни одна тварь... Вообще, что они все у меня здесь делают?

Вода неожиданно ослабела напором.

Бурдюков покрутил вентили, но добился лишь сипения в смесителе. Струйка бежала жалкая, видимость одна, а не струйка.

В дверь стукнули.

– Серый, меру знай, да?

Ну и ладно, решил Бурдюков, вылезая и вытираясь, сбрасывая на дно жидкие ошметки пены. Сюрприз для очередников. Для любителей халявы. В чужой квартире еще из ванны гонят! Кумекай!

Он фыркнул, натянул трусы и закутался в халат, висевший на вешалке. Вот так.

Вышел уже действительно к очереди – первым стоял Виктор, дальше топтались отец в длинной цветастой рубашке и какой-то патлатый, незнакомый парень, видимо, из той кучи в гостиной.

– Что, не спится? – спросил Бурдюков.

– Ты жену поднимай, – сказал отец, поддавая замешкавшемуся в дверях Виктору ускорение ладонью. – Нам выходить скоро. Пусть завтрак готовит. А то – разлеглась!

– Пап, – сморщился Бурдюков, – ты совсем. Это ж Магда.

– Ленился твоя Магда много, – отец сбавил тон. – Готовит, впрочем, замечательно. Здесь претензий нет.

– Ладно, сейчас.

Бурдюков ошкрябал спиной стенку в тесном коридоре.

– Здрасьте, – качнулся к нему патлатый.

– Угу.

– И это, – бросил отец, – совесть имей, мой халат одевать.

Бурдюкова аж развернуло.

– Это мой халат!

– Еще скажи, все здесь твое. Виктор! – брякнул кулаком в дверную филенку отец. – Давай уже! Закругляйся! Хватит!

– Пап, – сказал Бурдюков, – а где мы работаем?

Отец посмотрел на него как на слабоумного.

– Сережа, ты маршрут не запомнил?

– Я в смысле, чем занимаемся.

– Работаем.

Патлатый хихикнул.

– Кем работаем? – решил не сдаваться Бурдюков.

– Тебе именно сейчас это стало важно?

– Да!

– Мы ходим в комплекс и там работаем, – сказал отец.

– Все ходят, – поддакнул патлатый.

– Но кем?

Отец с шумом выдохнул.

– Какая тебе разница? – Он снова стукнул в дверь. – Виктор, твою душу! Выходи!

– Заканчиваю, – донеслось изнутри.

– То есть, и ты не знаешь, – сказал Бурдюков. – А кто-нибудь вообще знает? Это секрет?

Секретная работа?

– Что ты за ерунду вообще спрашиваешь? – рассвирепел отец. – Вчера ахинею нес. Сегодня с idiotскими вопросами прицепился. Честное слово, выселим мы тебя, совместно, коллективом выселим, если и дальше так пойдет.

– Это моя квартира!

– Ну да!

Отец сдвинул вышедшего мокрого Виктора и скрылся в ванной. Переругиваться через дверь Бурдюков посчитал глупым.

– Виктор! – побрел он за братом, которого не помнил, хоть убей. – Ты же тоже сейчас на работу?

Тот кивнул, вытирая прихваченным полотенцем голову.

– Скажи мне, – Бурдюков поймал его за запястье, – что мы делаем?

– В смысле? Где?

– На работе!

– Работаем.

Бурдюков простонал.

– А по какому профилю?

– По нужному, по общему, по какому надо.

В гостиной сидели, вставали, ежились, сворачивали одеяла и простыни незнакомые Бурдюкову люди. Одна девчонка была без лифчика. Кто-то по-хозяйски смотрел телевизор. Звук, правда, выкрутил. На сменяющих друг друга картинках летели ракеты, скакали лошади, какой-то азиат показывал свой улов – рыбу с него размером, всю в радужной чешуе.

– Я просто пытаюсь понять, что мы делаем, – сказал Бурдюков.

– Нужное дело делаем, – сказал Виктор. – Для страны, для людей, для будущего. Отстань.

– Но мы же не строители?

– Нет, куда нам.

Виктор перешел в спальню. Бурдюков последовал за ним.

– А у нас вредное производство?

– Магда – вот вредное производство, – сказал Виктор, указывая Бурдюкову на жену.

Мимо, бочком-бочком, с тапочками, прижатыми к груди, протиснулся смущенно улыбающийся сосед Павел, кивнул, пожал ладонь, пропал за дверью. В гостиной что-то мягко упало – то ли подушка, то ли спальный мешок. Слышимость! Виктор стянул со стула брюки и рубашку, принялся одеваться.

– Вить, – повернул его к себе Бурдюков, – это тайна?

– Что?

– То, где мы работаем?

Брат постоял, соображая, глазами ушел в себя. Пальцы его замерли, до половины вдев пуговицу в петлю.

– Н-нет, – сказал он наконец, и пальцы его вновь пришли в движение, – не думаю, глупости. Какая тайна?

– Но тогда чем мы занимаемся? – спросил Бурдюков.

– Сергей, – очень серьезно ответил ему Виктор, – мы не занимаемся, мы работаем.

– А-а! – закричал Бурдюков. – Здесь что, все старательно делают из меня дурака?

Стало вдруг тихо.

Остановилось время и всякое шевеление. Из гостиной в приоткрывшуюся дверь на Бурдюкова уставились шесть пар глаз и две голые груди. Виктор и вчерашняя пожилая чета родственников, сидящая на низких матрасах у окна в спальне, не отставали, избрав объектом притяжения своих взглядов его переносицу и брови.

Пауза длилась, наверное, секунд десять.

Бурдюков ждал ответа, а вопрошаемые, похоже, и не собирались отвечать. Во всяком случае, в лицах всех этих доселе незнакомых людей, занимающих его жилплощадь, читалась какая-то брезгливая отстраненность.

Будто он только что шумно испортил воздух.

– Се-еренький! – комкая тишину, апофеозом раздался сонный, тягучий голос Магды. – Что ты все кричишь?

Она выставила вверх пухлые руки.

– Иди сюда.

И все вновь, с едва уловимым облегчением, заработало, задвигалось, обрело звучание, люди потеряли Бурдюкова и занялись привычными делами.

– Серенький!

Магда, привлекая его внимание, сжала и разжала пальцы.

– Отец просил тебя разбудить, – наклонился к жене Бурдюков.

– А я уже встала! – сказала Магда, лукаво улыбнувшись.

Она ловко притянула его к себе, ткнула губами.

– Погоди, – пробормотал Бурдюков, пытаясь освободиться. – Утро уже, на работу пора.

– Ты хочешь уйти от меня? – прошептала Магда, заглядывая в него большими мутноватыми глазами. – У тебя кто-то есть?

– Нет, – сказал Бурдюков, – просто завтрак...

– Я – твой завтрак. Съешь меня!

– Люди же!

– Когда нам мешали люди, Серенький?

– Почему их так... много? – спросил Бурдюков, целуемый в паузах между словами. – Я их... не знаю.

– Идиот!

Магда отпихнула его и перевалилась на кровати тяжелым комом, закуталась в одеяло.

– Магда.

Бурдюков растерялся от внезапной, враждебной перемены. Что-то с Магдой было не то. Он же не сказал ничего обидного.

– Все! Я с тобой не разговариваю.

Жена, попыхтев, села к нему спиной. Одеяло сползло, открывая возмущенные плечи. Пожилые родственники, поддерживая друг друга, тихо вышли. Причем мужчина укоряюще качнул головой. Виктор скатал матрас и засунул его под кровать. В гостиной шумели, кажется, ставили стулья и разбирали тарелки.

– Магда, не время дуться, – сказал Бурдюков.

– Да уж, Магда Иосифовна, – присоединился к нему Виктор, – вы можете не кормить мужа, но не кормить весь остальной народ не можете.

– И ты идиот! – прошипела Магда. – Я знаю.

Она величественно встала. Бурдюков отступил, пропуская ее к двери.

– Подай, – вытянула руку в сторону висящего на плечиках платья жена.

Бурдюков с братом кинулись к платью вместе. Плечики висели на гвозде. Бурдюков был сильнее и победил, спиной оттеснив претендента.

– Вот.

Магда молча взяла платье.

– Что здесь за возня? – вошел в спальню отец. – Где завтрак? Мы там сидим...

– Я уже иду.

Магда накинула платье. С вырезом в бирюзовых волнах. Виктор выскользнул в гостиную. От увиденного в приоткрытую дверь у Бурдюкова зарябило в глазах. У длинного стола толклось человек двадцать. Часть сидела, часть подтягивала диван.

– Все, – сказала Магда.

Мимоходом мстительно ущипнув Бурдюкова, она вышла, нет, величественно выплыла из спальни. Ее встретили приветственным гулом. Какой-то худой, лысый от избытка чувств с тарелкой, прижатой к животу, рухнул на колени. Цирк! Дешевый театр.

Что за столпотворение?

– Постой, – отец поймал за рукав двинувшегося из спальни Бурдюкова.

– Что?

– Какого дьявола ты делаешь?

– В каком смысле?

Отец пошевелил челюстью.

– В смысле дурацких вопросов, – сказал он.

– А я не могу...

Шлеп! Отец отвесил ему оплеуху и, развернувшись, оставил в спальне одного. Дверь пригасила звуки и веселый голос Магды: «Сегодня у нас все на скорую руку. Извините уж. Сегодня у нас – омлет».

Бурдюков закрыл и открыл глаза.

На короткое мгновение, когда отец отводил руку от его щеки, реальность вновь треснула. Словно лоскуток отстал от драпировки, и оказалось, что оттуда, из прорехи, проглядывает все та же испугавшая его вчера жуть – голые стены, полутьма, грязь и тряпки, обломки вместо мебели, драный топчан вместо широкой двуспальной кровати, обрывки газет вместо ковров и худое, сморщенное, седое существо вместо отца.

Выдохнуть получилось не сразу.

Нет-нет. Это все понарошку, сказал себе Бурдюков. Возможно, недостаток питания. Неизвестно, ел ли он вчера. Утром точно пропустил завтрак, потому что...

Он вспомнил тошнотворную кашу и согнулся, с трудом подавляя рвотные позывы. Ох ты ж мать... Тише, тише.

За дверь говорили и много смеялись. Не над ним ли? Кто-то попытался зайти в спальню, но Бурдюков смог подставить ногу.

– Нельзя.

С той стороны не стали настаивать.

– Вот дверь, – прошептал Бурдюков, выпрямляясь. – А если тебе скажут, что это не дверь, а кусок фанеры? Ты возмутишься. Да, ты возмутишься. Но вероятность, что ты смотришь на кусок фанеры, от этого никуда не денется.

– Серенький! – донеслось из гостиной. – Я тебе положила!

– Конечно, это несколько ненормально, – продолжил бормотать Бурдюков. – Но если все вокруг...

Он поднял и осмотрел брюки, потом стал их неторопливо натягивать на себя, разведя полы халата.

– ...не то чтобы видоизменяется, нет, напрочь пропадает, превращается в кошмар, в фантазмагорию, в какой-то бред...

– Серенький!

Бурдюков вздрогнул от стука в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.